Кохнович, В.А. [Рецензия] / В.А. Кохнович // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2012. – С. 324-327 – Рец. На кн.: Grzegorz Welik. Zemiańtwo guberni Siedleckiej. 1867—1912. Sedlce, 2009.

GRZEGORZ WELIK. Zemiacstwo guberni Siedleckiej. 1867—1912. Sedlce : ELPIL, 2009. 245 s.

Антропологический, равно как и лингвистический, «поворот» в современной историографии привнес немало новых и интересных явлений в мировую историческую науку. Именно антропологизация исторических знаний повлекла, по признанию ряда видных современных историков-культурологов, приближение к историческому «материалу» через регионализацию и локализацию исторических изысканий.

С одной стороны, это было осмыслением и необходимой реакцией на достижения социальной истории французской Школы анналов (К. Харле, Ж. Рюжэ, Ж. Перро), с другой — результат исканий ряда итальянских авторов, объединенных вокруг изданий Quademi Storici и Microstorie (Дж. Леви, К. Гинзбург, К. Пони, Э. Гренди), а также усилий Э. Ле Руа Ладюри (Франция) и Х. Медика (Германия).

В силу этого вырос интерес к различным «провинциальным историям» (в смысле «истории провинций/областей»). На бывшем же постсоветском пространстве к этим общим тенденциям присоединяется обращение к ряду проблем, не вполне широко и глубоко развитых ранее, — в силу ряда обстоятельств, прежде всего политического характера. К такой сфере относится история дворянства, господствующего социального слоя в период доиндустриального общества. В особенности научно и продуктивно изучение дворянства, оказавшегося в условиях трансформации общества на почве капиталистических отношений.

Значительный интерес для исследователей из Беларуси, Украины и других сопредельных стран представляет работа Гжэгожа Велика «Дворянство Седлецкой губернии. 1867—1912 гг.» (Седлице, 2009), посвященная дворянству Седлецкой губернии 1867—1912 гг. В ней исследуется та группа населения, которая, по словам автора, «сыграла выдающуюся роль в политических, общественных и экономических переменах в королевстве Польском в начале XX века» (тем более, что в Седлецкой губернии особенно сильна была антипольская и, в частности, антидворянская политика Российской империи) (с. 163).

Монография состоит из семи глав и трех приложений. У издания имеются подробные именной и географический указатели, что упрощает исследователю работу с книгой. Она содержит огромное количество сведений о дворянах Подлясья и в данном качестве представляет собой энциклопедию жизни Седлецкой губернии во второй половине XIX — начале XX в.

Хронологические рамки вполне понятны: исследуется время от проведения крестьянской реформы до упразднения Седлецкой губернии в 1912 г. Вместе с тем сам Г. Велик признает условность рубежа в 1912 г., так как и административные, и социальные институты продолжали неизменно функционировать до Первой мировой войны и отступления российских войск с территории королевства Польского летом 1915 г.

Согласно замыслу автора, исследование должно было раскрыть облик дворянства восточной части королевства Польского в эпоху перелома (переход от феодальных к капиталистическим способам хозяйствования). Автором определены основные черты данного периода: 1) эпоха исследована менее, чем период до крестьянской реформы 1864 г. и межвоенное десятилетие; 2) источниковая база по периоду признается у поляков труднодоступной — она рукописная и создана на русском языке (с. 7).

Кроме значительного массива опубликованных источников («Памятные книжки» и «Обзоры» Седлецкой губернии; материалы периодики — газеты «Экономист» и «Земледельческая газета», журналы «Слово», «Село и двор», «Еженедельник иллюстрированный»; опубликованные материалы Дворянского кредитного товарищества, Центрального сельскохозяйственного товарищества, Земледельческого товарищества Седлецкой губернии) автор привлек значительное количество архивных материалов. Так, широко использованы материалы Главного архива

древних актов в Варшаве, Государственных архивов в Седлице и Люблине.

Отметим, что особую ценность имеют многочисленные мемуарные источники: воспоминания Т. Луневского из Корытницы, К. Крашевского из Романова, В. Четвертинского из Милянова, К. Попеля из Турны, С. Левицкого из Лавок, С. Жеромского и других. Все это позволило Г. Велику вполне реализовать поставленную задачу — «показать сборный портрет дворян Седлецкой губернии» (с. 10).

В первой из семи глав работы представлен географический облик Седлецкой губернии. Известно, что губерния из 9 поветов существовала с 1 января 1867 г. и охватывала 2,62 млн моргов земли (или 14,7 тыс. км^2) по среднему течению р. Западный Буг. Как и Полесье, регион не отличался благоприятными сельскохозяйственными условиями: преобладали песчаные бедные почвы, немало было заболоченных участков и болот. В первой главе также даются сведения об административной и образовательной системах губернии, названы количественные и качественные параметры населения. Так, в 1868 г. в регионе проживало 504,6 тыс. жителей, а в 1913 г. — 1,024 млн (табл. 4, с. 17). Представлены конфессиональная и национальная структура населения губернии.

В рамках первой главы автор в разделе «Земледелие» поместил таблицы с характеристикой землевладения на 1890-гг. — начало XX в., следуя принятому в статистических источниках изучаемого периода подразделению земель на «земельную собственность крестьян и мещан-земледельцев», «мелкошляхетскую собственность», «собственность фольварков», «земельную собственность государственных институтов». Такой подход отличался от принятого в Российской империи вообще, где выделялись надельные крестьянские земли (бывших помещичьих и удельных крепостных, а также государственных крестьян) и земли частных собственников, Ведомства уделов и казны. С одной стороны, принятый в царстве Польском принцип в статистических расчетах подчеркивал преобладающее там частнособственническое начало в поземельных отношениях, но с другой — нивелировал сословную градацию. Последнее не соответствовало реалиям сложившейся социальной системы, на что Г. Велику следовало бы обратить внимание в своей работе.

Первая глава рецензируемой работы охватывает ряд важнейших аспектов жизнедеятельности (природная среда, почвы и условия ведения сельского хозяйства, землевладение и земледелие, промышленность и общественно-политическая активность). Как представляется, все данные аспекты, поданные в общем виде, гораздо эффективнее были бы включены в работу в рамках других отдельных глав, где они дополняли бы частную характеристику условий и форм жизни дворянства Седлецкой губернии в указанный период времени.

Во второй главе дана характеристика дворянского сообщества губернии: выделены группы аристократии, коренного и вновь прибывшего дворянства. Особое внимание привлекает выделение Г. Великом группы аристократии (16 % дворян края), к которой им отнесены те владельцы имений, которые узаконили свое положение благодаря древности родословной, имели утвержденные государственными пожалованиями имения и титулы. Примером могут служить князья Воронецкие и Святополк-Мирские, которые происходили от литовских великих князей. Также интересно наблюдение автора в отношении данной категории землевладельцев: будучи крупными земельными собственниками, аристократы очень часто проживали вне своих имений и даже за пределами губернии (с. 33).

В данном контексте весьма важно определение «дворянство» («земянство»), принятое в современной польской исторической литературе (Г. Велик, В. Рошковский). «Земяне» — это вообще крупные землевладельцы шляхетского происхождения либо лица из новых родов, которые сливались с сословной группой дворянства через брак либо иным способом (у автора «в силу обстоятельств свыше») (с. 6). Именно поэтому автор допускает отнесение к категории «дво-

рянство» промышленников, интеллигентов, евреев, которые приобретали имения не только в целях спекуляции, но и ради «пользы жизни в имении на деревне» (с. 10). Таким образом, «дворянство» для него категория, выделенная по принципу образа жизни, а не по принципу сословной принадлежности.

С подобным подходом трудно согласиться. Вместе с тем Г. Велик при составлении перечня подобных хозяйств ориентировался на данные официальных списков землевладельцев Седлецкой губернии за 1880, 1888, 1897, 1909 гг. Как отмечает сам автор, численность представленных землевладельцев сильно колебалась. Также небесспорен метод анализа автора, который отнес к данной категории владельцев земельных участков с более чем 150 моргами земли (76,9 десятин, или 83,9 га).

Г. Великом было установлено, что среди данной категории землевладельцев в крае преобладали поляки (83—85 %), затем следовали россияне (6,4—8,3 %), участие которых в местном землевладении постепенно повышалось благодаря правительственной политике. Особое внимание автора привлекли местные землевладельцы-евреи (А. Блас, П. Финкельштейн, М. Блас-Гозлин, Г. Рубин, И. Вахмайстер), которым принадлежало 6,4 % имений данной категории. Г. Велик установил, что такого рода владельцы приобретали имения преимущественно в спекулятивных целях: разделяли имения на участки и успешно перепродавали их местным крестьянам и колонистам.

В третьей главе представлено хозяйство крупных землевладельцев-дворян губернии. К данной категории отнесены как имения с наделами более 9 тыс. моргов (5039 га, или 4612 десятин) — в соответствии с тем, как это делал в свое время Крыштоф Гранёвский, — так и имения с наделами более 100 моргов (с. 47). Последняя цифра размывает границы исследовательского метода в работе — и сам Г. Велик определяет как «крупную» и «крупнейшую» собственность имения с более чем 1 тыс. моргов (560 га, или 512,5 десятин) (с. 41), что близко определению латифундий в российской историографии — имений с более чем 500 десятин (А. М. Анфимов, В. Н. Никулин, И. Д. Ковальченко). Дело в том, что при экономической и статистической характеристике дворянского землевладения, скотоводства, промышленности и других аспектов хозяйствования в крае Г. Велик опирался на общие статистические материалы, не вычленяя данные для категории крупных имений, что было бы предпочтительней рассмотреть с помощью отдельных примеров хозяйствования.

Автор установил, что наиболее крупными владениями в губернии были имения «Влодава» Замойских с 24 281 моргом (13594,5 га, конец XIX в.) и «Междуречье» Потоцких с 23 657 моргами (13245,2 га, конец XIX в.). И если во всем царстве Польском таких латифундий было 66, то в Седлецкой губернии (одна из десяти привисленских губерний) — 18. Отмечена тенденция к довольно интенсивному сокращению крупного землевладения в губернии.

Представлена и дворянская промышленность в регионе: 379 предприятий, среди которых преобладали мельницы (195), винокуренные (65) и кирпичные (46) заводы. Также значительное внимание автор уделил сервитутам в имениях, что составляло отличительную черту губернии в рамках царства Польского наряду с некоторыми иными его регионами (с. 56).

В книге подробно рассмотрены нарекания местных землевладельцев на некие препятствия в ведении успешного хозяйства, а также объективные трудности хозяйствования в имениях губернии. Автор уделил внимание и деятельности Седлецкого общества сельских хозяев. Вместе с тем недостаточно, по нашему мнению, отражена торговая и лесопромышленная деятельность владельцев крупных имений. Уже в заключение автор отмечает исключительные успехи местного дворянства в хозяйстве в рамках всего царства Польского (с. 164).

В четвертой главе исследуется отношение дворянства Седлецкой губернии к важнейшим общественно-политическим вызовам второй половины XIX — начала XX ст. Зна-

чительным ударом (у Г. Велика — «бременем Январского восстания») стало поражение восстания 1863 г. Важно, что кроме репрессий и материальных потерь и ограничений автор выделяет как важный фактор «травмирующую память» о восстании (с. 72).

Здесь же рассмотрены мероприятия царской администрации по упразднению униатского вероисповедания в регионе, а также революционные потрясения 1905—1907 гг. Особое внимание автор уделил бойкоту российских школ, развернувшемуся в октябре 1903 г., а также агитационной деятельности местных дворян (Северин Четвертинский и ряд других) и деятельности их тайных организаций. Обратим внимание на то, что в последнем абзаце главы Г. Велик эмоционально обобщает: «Дворяне были окружены надзором жандармерии не только при жизни, но и по смерти» (с. 94).

Пятая глава работы заключает информацию об участии дворянства Седлецкой губернии в легальных организациях (Земском кредитном обществе, Обществе народного просвещения и Польской школьной Матице, Обществе объединенных дворянок, сельскохозяйственных обществах). Интересны и новы сведения о благотворительной деятельности этих организаций.

Заметим вслед за автором, что особое значение имело Земское кредитное общество, которое существовало с 1825 г. и объединяло 625 фольварков с 62 % дворянского землевладения в крае.

Общество представляло собой не только платформу для весьма продуктивного обмена экономическими сведениями и разнообразными данными по способам ведения хозяйства, но было и своеобразным форумом, где дворяне обсуждали широкий круг социальных и политических вопросов.

Весьма активным было участие дворян, в том числе и самых знатных (князья Ч. Святополк-Мирский, В. и С. Четвертинские, графиня Р. Замойская), в развитии и совершенствовании польской школы. Местные дворяне участвовали в Центральном земледельческом обществе — в регионе действовали 63 его подразделения (кружка), которые занимались в основном кредитованием и развитием молочного хозяйства.

В шестой главе речь идет о повседневной жизни дворянства. Уделено большое внимание различным аспектам воспитания и образования детей, особенностям семейной жизни, значению дружеских отношений, характеру времяпровождения, развитию духовной жизни в ее новых формах, отвечающих запросам времени.

Содержание седьмой главы тесно связано с предыдущей: дается характеристика дворянских усадеб, показана социальная, экономическая и личная жизнь в них. Особо отмечена жизнь в дворянских дворцах: в Неплах — Глогера, Константина Седльницкого — в Козерадах, в Целешнице — Сервиньского, в Коцке — Желтовских, в Мясткове — Гансовского и ряда других. Автор приводит обобщенные сведения о том, что всего в Седлецкой губернии насчитывалось 45 дворцов, 159 усадеб, 209 парков, 14 каплиц и 16 оранжерей.

В высшей степени важно и значимо, что Г. Велик подготовил многочисленные и весьма информативные приложения, суммирующие и обобщающие выявленный и проанализированный им в монографии материал. Это до 10 иллюстраций и 44 сложных таблиц; список дворян Седлецкой губернии на 1888 г.; список дворян губернии, признанных царской администрацией в качестве наиболее неблагонадежных; список с указанием уровня образования дворян губернии на начало XX в.

Без сомнения, работа Г. Велика вносит заметный и важный вклад в развитие региональной истории в современной Польше, имеет значение для северо-западной части всего региона Восточной Европы. Она интересна как приведенными фактами, так и концептуальными построениями и будет полезна для белорусских, украинских, российских историков, занимающихся подобной тематикой.

В. А. Кохнович, старший преподаватель кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук